

НА БЕРЕГУ

* * *

Пора непрошенных дождей
И хмурых туч на небе тёмном...
Листва высоких тополей
Крепка к ветрам неугомонным.

За лето солнце обожгло
Простор земли – и спит устало,
По-детски сохранив тепло
Под ярко-звёздным покрывалом.

Я здесь, как дождь – незваный гость.
Но отражает лужа тело –
И рад: увидеть довелось
Надежды луч на свете белом.

* * *

Моя весна уж на ладони
Разливом беспокойных вод,
Как растревоженные кони,
Несёт по Дону хрупкий лёд.

Его прощальное мгновенье
Хоть возвышает на дыбы,

Но всё же бьётся в наводненье
О телеграфные столбы...

Душа хранить не перестанет
Картину Родины глухой,
В нагрудном унесу кармане
Любовь к земле моей домой.

* * *

Вода приземисто входила в берега
Моей почти что незаметной речки.
И обнажались чистые луга,
Теряя луж блестящие колечки.

Но скоро тот заветренный поток
Заветными исполнится мечтами:
Над речкой перекошенный мосток
Траву примнёт под детскими ногами.

Высветил месяц высь:
 Небо темнее сна,
 Звёзды перевелись...
 Хоть бы вошла одна!

Туча над головой
 Виснет черней беды,

Тихий собачий вой
 Путнику сбил следы.

Но среди всех тревог
 Месяц осветит путь,
 Месяц – он тоже Бог,
 Если с земли взглянуть.

На берегу

Прошлогодний камыш
 скошен намертво режущим ветром,
 из уложенных стрел –
 горы мусора на берегу...

Что же нового здесь,
 в позабытом краю неприметном,
 в зеленеющих тропах
 на просторном весеннем лугу?

Те же воды текут
 и впадают в моря-океаны,
 то же солнце вверху
 греет спины проснувшихся рыб.

И в низины заходят,
 облаками подвижны, туманы –
 мимо белых берёз
 к старым ивам в затонный изгиб.

А крапива ещё
 ниже маленьких сочных травинок,
 тянет вверх бахрому,
 пелену нежным листьям прядёт...

Но свидетель дорог,
 шаткий мост из дубовых жердинок,
 растревоженно скрипнет –
 и в сердце печаль снизойдёт.

Мой дом на восьми ветрах,
 Мой дом – перехват снегов,
 Хранит теплоты очаг
 И строчки моих стихов.

Глазастые окна даль
 Срисуют в сюжеты снов,

И белых лугов печаль,
 И звоны колоколов.

Внизу – Осередь-река,
 Весенней воды простор,
 И лучик надежд, слегка
 Сокрытый вершиной гор.

* * *

Зажав узлом четыре уха,
Я в тряпке осень унесу.
Рыжеволосая старуха
Ещё не сбросила красу.

Плащом помахивает рваным,
Заплаты дождь к асфальту бьёт,
Но в продырявленном кармане
Не удержать Вселенной ход.

И я сменю четыре уха
На одноногий инструмент,
Чтоб белоснежные краюхи
Сгребать до новых перемен.

* * *

Чужая ты, чужой и я,
Чужие оба мы на свете.
Когда-то были мы друзья
И пел нам в поле тёплый ветер.

Чужое облако вдали,
Твои чужие занавески.

Чужая пядь твоей земли –
То огородные отрезки.

И пёс чужой чужую кость
Грызет в чужой теперь глубинке...
А помнишь: нам ведь довелось
И чаши пить по половинке.

* * *

Обнажились вороньи жилища
И нависли на голых суках,
А жильцы пропитание ищут
На раздольных полях и лугах.

Здесь, в глубинке, им воля-раздолье,
На дорожных густых полосах
Гулы ветра пронзительной болью
Обвивают тропинки в лесах.

Всё одно – темноватая осень,
Чёрствый след, и парит вороньё.
И меня, может, кто-нибудь спросит:
«Здесь ли было жилище твоё?..».

* * *

Высоким уровнем воды
Поднята гладь на тихой речке,
Деревьев стройные ряды
В моём затопленном местечке.

Взбивает пенную волну
И в берега её толкает.

Раздольем здесь весна полна
И половодьем бесконечным,
И потому волна вольна
Запечатлеть себя навечно.

От ветра голову пригну –
А он от края и до края

* * *

Месяц выгнулся подковой,
Пяткой встал на пьедестал –
Над макушкой сосновой,
На вершину белых скал.

Между небом и землёю,
Над звериною тропой,
Над моею головою
И раскрытою душой.

Небо мыслить помогало,
Не упасть в немую грусть
И под звездным одеялом
Видеть праведную Русь.

* * *

Первый снег, морозом скованный,
Хруст капустный под ступнёй,
Тёмный омут заколдованный
Под замёрзшею рекой.

Вот в саду просторном яблоня
Держит жухлую листву...
Торжествуешь ли ты, зяблая,
Или плачешь в синеву?

А под небом тропка свежая
От заветренных ворот
Вдаль уходит, непроезжая,
До неведомых широт.